

УДК 130.2:008

DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-2-0-2

Даренский В. Ю.

**Цивилизационная прогностика П. М. Бицилли
(контексты концепции «вторичного варварства»)**

Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, ул. Оборонная, д. 2,
г. Луганск, 91011, Украина (ЛНР); darenskiy1972@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируется концепция «вторичного варварства» П.М. Бицилли в ее теоретических и исторических контекстах. Показана эвристичность данной концепции для анализа современной социокультурной ситуации и ее включенность в традицию российской историософской мысли. Особое внимание уделено интерпретации общего семиотического «механизма» феномена «вторичного варварства». Показана специфика нового образа Истории, сформулированного в работах П.М. Бицилли в контексте его историософской концепции.

Ключевые слова: П.М. Бицилли; «вторичное варварство»; цивилизация; культура.

Для цитирования: Даренский В.Ю. Цивилизационная прогностика П.М. Бицилли (контексты концепции «вторичного варварства») // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020. Т. 6. № 2. С. 21-29. DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-2-0-2

V. Yu. Darenskiy

Civilizational prognostics of Peter M. Bitsilli (contexts of the concept of “second barbarism”)

Taras Shevchenko Luhansk National University, 2 Oboronnaya St., Luhansk, 910011,
Ukraine (LPR); darenskiy1972@rambler.ru

Abstract. The article analyzes the concept of “second barbarism” formulated by Peter M. Bitsilli in theoretical and historical contexts. The heuristic nature of this concept for the analysis of the modern socio-cultural situation and its inclusion in the tradition of Russian historiosophical thought is shown. Special attention is paid to the interpretation of the general semiotic “mechanism” of the phenomenon of “second barbarism”. The article shows the specificity of the new image of History formulated by Peter M. Bitsilli in the context of his historiosophical conception.

Keywords: Peter M. Bitsilli; “second barbarism”; civilization; culture

For citation: Darenskiy V. Yu. (2020), “Civilizational prognostics of Peter M. Bitsilli (contexts of the concept of ‘second barbarism’)”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 6 (2), 21-29, DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-2-0-2

Статья П.М. Бицилли «Вторичное варварство», впервые опубликованная в издании «Современные записки: Общественно-политический и литературный журнал» (Бицилли, 1940: 264-269), в целом

может рассматриваться как развитие концепции К.Н. Леонтьева о трех фазах жизненного цикла любой цивилизации: от «первичной простоты» к «цветущей сложности» и «вторичному смесительному

упрощению». Однако в ней появляется ряд новых элементов, отсутствующих у предшественника и соответствующих новым условиям XX века. Цивилизационные метаморфозы XX столетия оказались столь парадоксальны, что всегда имели прямо противоположное истолкование у людей разных мировоззрений: для «прогрессистов» они казались невероятным «прорывом в будущее», а для традиционалистов – падением в такое состояние духовной катастрофы и деградации, за которым может следовать уже только Апокалипсис. Но такой парадоксальный характер будущей цивилизации как раз и был предсказан К.Н. Леонтьевым; а П.М. Бицилли стал уже ее диагностом.

Целью данной статьи является анализ концепции «вторичного варварства» П.М. Бицилли на материале не только одноименной статьи, но и ряда других, связанных с этой проблематикой; в результате такого анализа будет сформулирована внутренняя логика трансформации культуры, которая осуществляется в эту историческую эпоху.

Стоит отметить, что до настоящего времени концепция «вторичного варварства» практически не рассматривалась в исследованиях наследия П.М. Бицилли. Так, Н.И. Ашурова в своей диссертации определяет его как «антипрогрессиста» (Ашурова, 2004: 11), однако не касается данной концепции. Но отдельные аспекты «вторичного варварства» и путей выхода из этого состояния иногда рассматриваются исследователями; например, Д.В. Ратушина воспроизводит мысль П.М. Бицилли: «Борьба за национальное самоопределение привела к тому, что нация стала самоцелью и самоценностью, к тому, что она стала обезличена. А это смерть Нации и, следовательно, смерть культуры» (Ратушина, 2018: 135). В свою очередь Ю.В. Курамшина так формулирует понимание Бицилли выхода из неоварварства к возрождению: «Необходимыми условиями процесса возрождения культуры являются творческое самоограничение

и самососредоточение, которые заключаются, прежде всего, в усмотрении наличия Высшего. Исходная точка всякого возрождения есть тяготение к Богу, а вовсе не претензии на национальное или расово-культурное “самоопределение” и “выявление своего лица”, какие мы наблюдаем в нынешнее время» (Курамшина, 2012: 135).

Упомянутые в приведенных работах закономерности являются уже производными от какого-то более фундаментального закона трансформации культуры, который всегда имеет в виду П.М. Бицилли. Задача состоит в том, чтобы реконструировать этот закон на основе анализа ряда его статей.

Теоретическим контекстом построения П.М. Бицилли собственной метафизики культуры была полемика с современниками, в первую очередь, с концепцией О. Шпенглера и «евразийцев». Характерно и то, что сам П.М. Бицилли вовсе не был последователем К.Н. Леонтьева, скорее наоборот; тем показательнее фактическое воспроизведение его идей в концепции П.М. Бицилли.

Историческим контекстом размышлений П.М. Бицилли стал феномен СССР, точнее, того типа социальной жизни и культуры, который там установился. Концепция «вторичного варварства» объясняет базовый парадокс советского строя, суть которого состоит в том, что при внешнем прогрессизме и высоких достижениях в науке и технике он одновременно представлял собой обвальную архаизацию и примитивизацию внутреннего содержания человеческой жизни; более того, именно эта примитивизация и была неизбежной ценой всех его достижений (не говоря уже о «цене» в миллионы погубленных человеческих жизней). С другой стороны, эта концепция позволяет понять и вписанность советского строя в общие тенденции современной цивилизации – он оказался не чем-то особенным, но лишь более радикальным протеканием деграционных процессов, свойственных в XX веке всему «прогрессивному человечеству». Как пи-

шет П.М. Бицилли, «СССР вовсе не какой-нибудь особый, отрезанный от всех остальных миров, мир: в нем торжествуют те духовные тенденции, которые <...> присущи, в смягченном или скрытом виде, всему нынешнему человечеству, всей “Европе”, – ибо весь свет стал сейчас “Европою”» (Бицилли, 1940: 264). Феномен «советского строя» не является исходной темой для П.М. Бицилли, но лишь наиболее удобной и показательной исторической иллюстрацией концепции.

Каковы причины и сущность «вторичного варварства»? П.М. Бицилли дает ему следующую характеристику: «Вторичное варварство! Ницше мечтал о нем. Сейчас стало ходячим твердить о его опасности. Но и для Ницше, и для тех, кто “вторичного варварства” боится, оно представляется приблизительно в таком виде: не будет наук и искусств, больше того – исчезнет грамотность, а может быть, и умение высказываться членораздельно; исчезнут железные дороги, радио, резиновые галоши, очки, папиросы, стило и все прочее подобное. Это сомнительно и, во всяком случае, не в этом суть дела. Пока что науки и искусства живы и здоровы, “достижений” всюду сколько угодно – и в этом отношении, по-видимому, СССР, действительно, идет вперед. И если залогом “прогресса” или неприкосновенности цивилизации считать непрерывность культурной традиции – что бесспорно – а под этим разумеется знакомство с ее веками накопившимся материалом, то опять-таки надо признать, что в СССР никаких признаков “варварства” не замечается. Напротив: неграмотных стало гораздо меньше, чем до Революции, классики издаются так и в таком количестве, как никогда раньше и т.д. “Вторичное” варварство – нечто совсем другое нежели “первичное”. Между ними – глубокое внутреннее сродство, а не внешнее сходство» (Бицилли, 1940: 266).

Сущность «вторичного варварства», по П.М. Бицилли, состоит не в каких-то новых внешних формах жизни – наоборот, все они выглядят очень современными и

«прогрессивными» – но в первую очередь, в типе сознания, который формируется у людей в эту эпоху. Рассматривая для примера отрывок из советской газеты, в котором повествуется о некоем «знаменательном событии», ученый обращает внимание на то, на какое восприятие, то есть на какой тип сознания адресата изначально рассчитано это повествование. Вывод его следующий: «Полная аналогия с былинами, рыцарским эпосом, или гомеровскими песнями, где все герои богоподобны или богоравны, где всякая женщина красавица, какой еще никогда на свете не было и т.п. Это характерный для фольклора, для примитивной поэзии, прием интенсификации, преувеличения» (Бицилли, 1940: 264-265). Соответствующий тип человека таков: «его сознание “современно” сознанию Агамемнона, или Нибелунгов, или Ильи Муромца. Это примитивное сознание, сродное инфантильному, сущность которого сводится к отсутствию переживания дистанции между Я и не-Я, между великим и малым, обычным и необычным» (Бицилли, 1940: 266).

В самой статье «Вторичное варварство» П.М. Бицилли не пишет о том, почему появилось и почему специально культивируется такое сознание. Современному его читателю это может показаться странным, однако здесь следует учитывать контекст написания статьи: ведь она написана для читателей из русской эмиграции, которым причины происходящего в России после 1917 года объяснять было не нужно. Но в наше время, наоборот, важно указание на фундаментальные исторические причины «вторичного варварства». Например, К.Н. Леонтьев главной причиной этого процесса считал «всеобщее уравнивание» и, как следствие, ориентацию общества не на высшие, а на низшие образцы культурной и социальной жизни. Для О. Шпенглера – это неизбежное следствие перехода от эпохи культуры к эпохе цивилизации. В любом случае, очевидным и достаточно общепризнанным является признание того факта, что секуляризация

жизни и утрата религиозного опыта у основной массы людей приводит к замыканию человека в чисто практических делах и полному исключению из жизни всякого высшего смыслового измерения. Превращаясь в нечто вроде «биосоциального автомата», занятого исключительно повседневными делами, поглощенного лишь удовлетворением своих непосредственных потребностей и гордыней, такой человек неизбежно духовно и душевно деградирует и приходит в состояние «вторичного варварства» – хотя при этом может вполне успешно развивать науку, технику и материальную цивилизацию в целом. Ведь для этого вовсе не требуется внутренняя сложность и глубина личности – наоборот, она чаще всего мешает «достижениям», поскольку внутренне глубокий и сложный человек, как правило, вообще не имеет к ним никакого интереса и стремления. Тем самым, «вторичное варварство» не только не препятствует развитию внешней материальной цивилизации (экономики, техники и науки), но как раз наоборот, резко ускоряет это развитие и является одним из его условий. В основе всех «прорывов» человечества в XX веке лежало именно это наступление «вторичного варварства», которое высвободило силы людей на эту внешнюю деятельность, которая для человека традиционной цивилизации была просто бессмысленной и неинтересной. Таков исторический контекст данной концепции.

Механизм архаизации общества и самого сознания людей, по П.М. Бицилли, следующий: «Мир идет к тому, чтобы обратиться целиком в нечто подобное “царству” Алкиноя или феодальному клану, или средневековой городской общине. Покуда он распадается на ряд подобных же миров. Сознание среднего человека в каждом из них охвачено идеей своей полной причастности к нему. Этот его мир для него – единственно существующее, абсолютная, неизменная реальность, и вместе – абсолютное благо» (Бицилли, 1940: 267); отсюда – «прежде всего состояние безраздельно

господствующего ритуализма, добровольного, автоматического конформизма, это пора “слоганов”, клише, единообразия» (Бицилли, 1940: 269). Эти формулировки, данные П.М. Бицилли в 1940-м году, с тех пор бесчисленное число раз повторялись самыми разными авторами и являются общепризнанной характеристикой современной цивилизации.

Вместе с тем, он формулирует и принципиальное различие между первичным, оригинальным варварством и варварством современным, «вторичным». Суть его в том, что «первобытный человек представлял себе все сферы жизни наподобие первой, самой тесной: семьи, рода – а соответственно и организовывал их. Теперь – обратное. Зоны самых, казалось бы, интимных, личных, отношений мыслятся по аналогии с зонами отношений безличных, тех, где господствует “разум”. “Аппарат” действует всюду – в семье, в доме, как и на фабрике, в канцелярии, в партийной ячейке. Вместо недифференцированного организма, чем – говоря это, разумеется, лишь с грубым приближением, – было примитивное общество, создается, в пору вторичного варварства, самый сложный механизм» (Бицилли, 1940: 269). Общность же состоит в господстве ритуала во всем – в том числе, и невротическое стремление современного человека к оригинальности; «быть не таким, как все» – оказывается тоже одним из социальных ритуалов, то есть на самом деле достигает противоположной цели.

Отличие «вторичного» варварства от «первичного», по П.М. Бицилли, в том, что «вторичное» не есть отказ от «цивилизации», т.е. рационализации жизненных отношений, как раз напротив, это – апогей «цивилизации», который «приводит в конечном итоге к умерщвлению души. История необратима. Замыкание цикла, возврат к исходной точке, это – смерть» (Бицилли, 1940: 269). В последнем тезисе автор связывает историю с ее апокалиптической перспективой, но смысл тезиса в том, что история длится до тех пор, пока человек не полностью поработен этой «цивилизацией».

Стоит рассмотреть семиотический механизм «вторичного варварства», который описывает П.М. Бицилли, в рамках современной терминологии. В первую очередь следует обратить внимание на то, что П.М. Бицилли указывает на «наложение» друг на друга разных культурных текстов (в широком смысле слова) как базовый механизм современной варваризации. А именно, в форме современного текста транслируется текст архаический. С другой стороны, современный текст, неся в себе архаическое содержание, воспринимается его носителями как нечто самое «прогрессивное». Как возможна такая ситуация с точки зрения семиотики культуры? Ю.М. Лотман в своей программной книге «Культура и взрыв» дает следующую формулировку: «Семиотическое пространство предстает перед нами как многослойное пересечение различных текстов, вместе складывающихся в определенный пласт, со сложными внутренними соотношениями, разной степенью переводимости и пространствами непередаваемости. Под этим пластом расположен пласт “реальности” – той реальности, которая организована разнообразными языками и находится с ними в иерархии соотнесенностей. Оба эти пласта вместе образуют семиотику культуры» (Лотман, 1992: 42). Тем самым, если изначально в любой культуре задана модель взаимодействия «текстов» разных уровней, то указанные парадоксы «вторичного варварства» не являются чем-то экстраординарным, но уже изначально даны в возможностях культуры.

Что происходит в XX веке и вообще в ситуации Модерна с точки зрения семиотики культуры? Происходит быстрое вхождение людей, сформированных еще традиционной архаической культурой, – в культуру современную, модерную. Первая из них – это культура тео- и космоцентрическая, основанная на сакральных, «вечных» ценностях. Вторая – культура антропоцентрическая (в итоге – эгоцентрическая), основанная на секулярных ценностях «жизненного успеха», т.е. коры-

сти. Когда переход от первой культуры происходит органически, в течение нескольких поколений, он почти не заметен. Но когда он происходит в одном человеке в течение его жизни, то приводит к парадоксам «вторичного варварства». С семиотической точки зрения это не что иное как бессознательная попытка воспроизвести архаическую культуру в формах культуры модерной. И тогда наука приобретает функции религии, техника – функции магии, экономика – функции сакрального ритуала, социальное приспособленчество – функции «этики», а творчество в культуре – функции сакральной жертвы. В терминах О. Шпенглера это называется «псевдоморфозой». В «советской цивилизации» такая псевдоморфоза была наиболее ярко выраженной из-за «революционной ломки» всего на свете. Именно поэтому П.М. Бицилли и выбрал ее в качестве иллюстрации.

Но советский пример, как он сам оговаривает, был выбран только из-за его особой яркости, те же самые феномены имели место повсюду. В подтверждение слов П.М. Бицилли приведем пример из «Воспоминаний» известного театрального деятеля С.М. Волконского. В них есть такая характеристика американского общества рубежа XIX-XX веков: «всё вместе производит впечатление какой-то игры; играют в “большой свет”, как дети играют в “гостей”. Большая “детскость” во внешнем обращении американской женщины, со всем хорошим, что есть в этом слове, то есть детскость в радости, детскость в серьезности, детскость в честности. Эта сторона американки, которая многим европейцам малопонятна, скоро надоедает, по моему, придает большую прелесть личным отношениям, в ней и ценность, и отсутствие тяжести. Но в смысле общественном она сообщает собраниям характер чего-то деланного; как я сказал: игра. Получается очень странное сочетание: при простоте характеров деланность форм. Иногда это очень надоедливо. На меня в конце концов очень тяжело ложилась эта комедийность американской светскости» (Волконский,

1992: 209). В Америке никогда не было аристократии и, соответственно, «большого света», но богатые люди хотели выглядеть чем-то вроде «аристократии» на фоне всех остальных, и поэтому изо всех сил пытались этот «большой свет» из себя изображать. Естественно, что для подлинного русского аристократа князя С.М. Волконского все это выглядело очень комично и удручающе. Как видим, здесь имеет место тот же самый механизм культуры, который был сформулирован выше: выражение архаического («детского») в формах якобы «высокой культуры» – и, соответственно, тот же самый феномен «вторичного варварства», как и у «нового советского человека».

Вместе с тем, такое выражение одного через другое – это только начальная стадия «вторичного варварства», которая имеет место у первого-второго поколения людей архаики, попадающих в условия современной цивилизации. На этом этапе бывают и индивидуальные исключения, которые дают не «вторичное варварство», а наоборот, мощный эффект культурного творчества. XX век дал множество примеров «гениев из народа» во всех странах мира, а в России символами таких гениев являются Ломоносов и Есенин, жившие в разные века, но в одинаковой ситуации «бытия в двух текстах культуры». Но это именно исключения, а на массовом уровне ситуация «вторичного варварства» является всеобщей закономерностью. Затем наступает вторая стадия, на которой исключений уже не бывает. Суть ее в том, что уже во втором-третьем поколении люди утрачивают глубину архаического мировосприятия – просто потому, что соответствующий опыт уже не воспроизводится в условиях современной культуры. И тогда люди начинают жить просто в готовых формах культурного и социального автоматизма, уже вообще не наполняя их никаким личностным содержанием. Это «смерть культуры», переход в состояние «пост-человека». Это уже такое классическое «вторичное варварство», которого П.М. Бицилли еще не наблюдал, поскольку

оно стало массовым только к концу XX века. Его впервые зафиксировал на философском языке в 1984 году М.К. Мамардашвили в докладе «Сознание и цивилизация». Здесь он ввел понятие «антропологической катастрофы», фиксирующее уже эту вторую стадию «вторичного варварства». Таким образом, если К.Н. Леонтьев был предтечей П.М. Бицилли в данной концепции, то М.К. Мамардашвили завершил ее.

В своей статье «К пониманию современной культуры. Проблема универсального языка» П.М. Бицилли задолго до Ю.М. Лотмана также концептуализирует семиосферу через абстракцию «двух языков» – языков Культуры и Цивилизации. Первый из них – «органический», это «язык личностей»; второй – «искусственный», это «язык особей» (Бицилли, 1932а: 334). Собственно, в этих терминах сделано предельное обобщение тех крайних состояний, в которых может пребывать человеческое бытие. В этом контексте можно понимать и феномен «вторичного варварства» – как ситуацию искусственного скачка из первого языка во второй. Язык Цивилизации работает, как часы, но в нем уже нет человека, а есть только четкий исполнитель правил. Поэтому за этим может следовать только апокалиптический Конец (в данной статье П.М. Бицилли также обращается к этой теме). Но История, по его мысли, как раз всегда и стремилась к такому Концу.

В статье «Проблема нового средневековья» он диагностирует: «Наше время может быть названо эпохой достижений, результатов, свершений. Все, или почти все то, о чем с незапамятных времен, начиная с мифа о Дедале и Икаре, и кончая романами Жюль Верна, мечтало человечество, о чем фантазировали утописты, что пробовали делать колдуны, шаманы, маги, алхимики и астрологи, ныне претворено в действительность, стало предметом научного ведения и повседневной практики. Уже это одно может навести на мысль, что коллективный Фауст прошел свой жизненный путь до конца, и что человечество

приблизилось к тому моменту, после которого если не времени, то истории уже больше не будет. И только теперь становится ясно, что нет ничего ужаснее осуществления сразу всех возможностей» (Бицилли, 1932b: 49).

Почему же так произошло? В статье «Кризис истории» П.М. Бицилли пишет, что такова изначально была «идея *смысла* истории, состоящего в неуклонном, внутренне закономерном, вопреки всяческим катастрофам, нагромождению бедствий и зол, прогрессе, движении вперед, к конечному осуществлению идеалов человечества, реализации мечты о счастье всех и каждого, о невозмутимом благоденственном и мирном житии, об остановке истории, ибо ее движение уже будет ненужным. <...> Собственно говоря, вся история человечества представлялась сплошным усилием исправить какую-то изначальную ошибку, препятствующую осуществить цель жизни, как ее формулировал Хлестаков: срывать цветы удовольствия» (Бицилли, 2000b: 491).

«Оконченность» того смысла истории, к которому привыкли люди Нового и Новейшего времени, как правило, не осознается на массовом уровне, но на массовом уровне он очень ярко *выражается* в том, что «массы, охваченные различными видами энтузиазма, готового в любой момент переродиться в панику, превращающую людское общество в стадо, рвутся к интегральному осуществлению всякого рода благ; когда они уже чувствуют себя на пороге “золотого века” и грозят истребить всех, кто только может быть заподозрен в попытке стать им поперек дороги» (Бицилли, 2000b: 493).

Таковы *феноменологические* характеристики эпохи «вторичного варварства» у П.М. Бицилли. Не менее интересны и его *метафизические* определения этой эпохи. В эссе «Краткая история Адама и Евы» он дает такое определение: «Подменивши цель средствами, надругавшись во имя “прогресса”, “истории” над тем самым ценным, самым святым, что составляет смысл истории, человек ее обессмыслил,

сделал ее ненужной. Для идеи завершения, свершения истории, т.е. полной реализации ее смысла, нет уже места. Из плана истории как процесса движения во времени к той точке, когда “времени больше не будет”, жизнь перемещается в план “дурной бесконечности”, непрерывно длящегося безрадостного довольства» (Бицилли, 2000a: 496). Тем самым, тот Конец, о котором П.М. Бицилли пишет в статье «Вторичное варварство» – это пока еще не Апокалипсис, не конец мира сего, но именно *осуществление* всего того, что ранее считалось «историей», превращение ее в бессмысленный «бег по кругу» в дурной бесконечности. Что же остается делать в такой ситуации?

В статье «Проблема нового средневековья» П.М. Бицилли фактически дает формулировку нового понимания сущности Истории как таковой. После великого конца Истории как Прогресса – историческое время продолжает длиться, а значит, его наполнение теперь может быть совсем иным, и новый ее смысл может быть создан и осознан так же, как когда-то был создан образ Прогресса. П.М. Бицилли предлагает такую новую «формулу» смысла Истории: «основная задача настоящего времени – осознать “равноправие” и вместе несводимость Культуры и Цивилизации, освободить Культуру от Цивилизации, но также Цивилизацию от Культуры <...> Разграничение сфер Цивилизации и Культуры будет, в конечном итоге, разграничением сфер коллективного делания и индивидуального творчества. В первой человек отдает часть самого себя коллективу – и чем безусловнее, чем полнее, тем совершеннее структура этой сферы: ту часть, которая ему, как индивидуальности, собственно и не принадлежит, – безразличный, общий рассудок. Во второй человек ничего не отдает, но все забирает себе: выражая себя, микрокосм выражает микрокосм, реализуя себя, реализует, по своему, Всё. Проблема, подлежащая разрешению, – сделать так, чтобы каждому, участвующему в первой сфере, была обеспечена возможность участвовать и во вто-

рой» (Бицилли, 1932b: 57). Тем самым, История «интериоризируется» – она перестает быть внешней человеку длительностью событий, но становится констелляцией событий в нем самом.

Такая История становится «метаисторией» по отношению ко всей предыдущей истории, сохраняя ее в себе в форме культурной памяти. Концепт метаистории, очевидно, основан на определенном культурном архетипе, который проявляется в разных формах – от утопических доктрин о будущем идеальном обществе, которые уже в Античности пришли на смену легендам о бывшем когда-то «золотом веке», – до известной марксистской доктрины перехода к «подлинной истории» в бесклассовом обществе. Однако в данной концепции П.М. Бицилли речь идет о совершенно ином онтологическом измерении исторического процесса. В статье «Кризис истории» он пишет: «Метаистория не только область ведения, но и особый план бытия, в котором живут воплощенные в их сознаниях и тем для нас бессмертные души тех людей, которых мы, быть может, никогда не видали, которые могут быть отделены от нас тысячелетиями, но без которых мы самих себя, раз соприкоснувшись с ними, представить уже не в силах; которые в этом смысле для нас реальнее иных из наших современников и сограждан, может быть, – нас самих» (Бицилли, 2000b: 494). Тем самым, речь идет именно об «интериоризированной» Истории, которая осуществляется во внутреннем экзистенциальном пространстве, не имеющем временных границ и представляющем собой коммуникацию со всеми временами, оставившими след в былой истории – но след не материальный, а личностный, который неисчерпаем и необратим.

Пусть внешняя история движется по кругу в дурной бесконечности, все глубже и глубже вгоняя людей во «вторичное варварство», которое они так наивно считают высшей точкой человеческого «прогресса», но подлинная история человеческого духа еще не закончилась и продолжает быть личностным подвигом, как это и бы-

ло всегда. Такое понимание нового измерения исторического бытия – как *метаистории* – в том особом смысле, который придал этому слову П.М. Бицилли, в свою очередь, также предполагает и трансформацию сознания историка-исследователя: «Метаистория – это прежде всего все еще область исторического ведения, где задача исследователя – выделить в смене событий, направлений, вкусов и навыков постоянно действующие в своем чередовании духовные тенденции, в большей или меньшей степени всегда присущие людям, тенденции, которых борьба сводится к борьбе чувства и разума, начала свободы и начала порядка, тяги к бесконечному и способности переживания вечности» (Бицилли, 2000b: 493). Такое видение, сформулированное П.М. Бицилли, представляет Историю как форму течения Гераклитовского Логоса, хранящего в себе все смыслы, где все пребывает во всем, и все временное видится с точки зрения вечности. Истинные историки всегда умели видеть конкретные события и исторические личности *sub specie aeternitatis*, но в ракурсе метаистории это видение становится главным *методом* самого исторического познания. И действительно, как показывает опыт, подлинные историки в наше время мыслят и исследуют свой материал не в контексте истории-как-прогресса, не в рамках расчленяющего мышления (классового, цивилизационного и т.п.), но именно в рамках определенных *исторических универсалий* – прежде всего тех, которые и перечислил здесь П.М. Бицилли: «борьба чувства и разума, начала свободы и начала порядка, тяга к бесконечному и способность переживания вечности». Это то, что всегда и везде лежит в основе человеческих мотивов всех исторических деяний и свершений. Это измерение, в котором история становится метаисторией.

Таковы контексты концепции «вторичного варварства»: внешние – т.е. реалии самой истории, ее породившие, и ее корни в философской традиции; и внутренние – ее связь с фундаментальными историософскими идеями самого

П.М. Бицилли. Анализ этих контекстов показывает большую эвристичность этой концепции, как и историософии П.М. Бицилли в целом, и их явную востребованность для современной мысли.

Литература

Ашурова, Н.И. Культурно-историческая концепция П.М. Бицилли: автореф. дис. ... канд. историч. наук. Томск, 2004. 25 с.

Бицилли, П.М. Вторичное варварство // Современные записки: Общественно-политический и литературный журнал (Париж). LXX. 1940. С. 264-269.

Бицилли, П.М. К пониманию современной культуры. Проблема универсального языка // Современные записки. № XLIX. 1932. С. 318-334.

Бицилли, П.М. Краткая история Адама и Евы // Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии. М.: Русский путь, 2000. С. 494-496.

Бицилли, П.М. Кризис истории // Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии. М.: Русский путь, 2000. С. 487-494.

Бицилли, П.М. Проблема нового средневековья // Новый град. Вып. 2. 1932. С. 49-56.

Волконский, С.М. Мои воспоминания. Часть 2. М. Искусство, 1992. 384 с.

Курамшина, Ю.В. П. М. Бицилли о проблеме соотношения понятий «культура» и «цивилизация» // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2012. № 233. С. 133-136.

Лотман, Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. 272 с.

Ратушина, Д.В. Пётр Бицилли в философском «разговоре» русского зарубежья // Высшее образование в России. 2018. № 2 (220). С. 130-137.

References

Ashurova, N. I. (2004), "Cultural and historical concept of P.M. Bicilli" Abstract of Ph.D. dissertation, Historical Sciences, Tomsk, Russia (in Russ.).

Bitsilli, P. M. (2000a), "A brief history of Adam and Eve", *Tragedija russoj kul'tury: Issledovanija, stat'i, recenzii* [The Tragedy of Russian culture: Research, articles, reviews], *Russkij put'*, Moscow, Russia, 494-496 (in Russ.).

Bitsilli, P. M. (2000b), "Crisis of history" *Tragedija russoj kul'tury: Issledovanija, stat'i,*

recenzii [The Tragedy of Russian culture: Research, articles, reviews], *Russkij put'*, Moscow, Russia, 487-494 (in Russ.).

Bitsilli, P. M. (1940), "Secondary barbarism", *Sovremennye zapiski: Obshhestvenno-politicheskij i literaturnyj zhurnal (Parizh)* [Modern notes: Socio-political and literary magazine (Paris)], LXX, 264-269 (in Russ.).

Bitsilli, P. M. (1932a), "Towards an understanding of modern culture. The problem of a universal language" *Sovremennye zapiski* [Modern notes], XLIX, 318-334 (in Russ.).

Bitsilli, P. M. (1932b), "The problem of the new Middle Ages", *Novyj grad* [New city], 2, (in Russ.).

Volkonskij, S. M. (1992), *Moi vospominanija. Chast' 2* [My memoirs. Part 2], *Iskusstvo*, Moscow, Russia, (in Russ.).

Kuramshina, Yu. V. (2012), "P.M. Bicilli on the problem of correlation of the concepts 'culture' and 'civilization'", *Kul'tura narodov Prichernomor'ja* [Culture of the peoples of the Black Sea region], 233, *Simferopol'*, Russia, 133-136 (in Russ.).

Lotman, Yu. M. (1992), *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion], *Gnozis*, Moscow, Russia, (in Russ.).

Ratushina, D. V. (2018), "Peter Bicilli in the philosophical "conversation" of the Russian abroad", *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], (220) 130-137 (in Russ.).

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

ОБ АВТОРЕ:

Даренский Виталий Юрьевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, ул. Оборонная, д. 2, Луганск, 91011, Украина (ЛНР); darenskiy1972@rambler.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Vitaly Yu. Darenskiy, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Sociology, Taras Shevchenko Luhansk National University, 2 Oboronnaya St., Luhansk, 910011, Ukraine (LPR); darenskiy1972@rambler.ru